

АЛЕКСАНДР
ОСТРОВСКИЙ

ГРОЗА
БЕСПРИДАННИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6
О-77

Серия «Книга на все времена»

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Островский, Александр Николаевич.

О-77 Гроза; Бесприданница : [пьесы] / Александр Островский. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 256 с. — (Книга на все времена).

ISBN 978-5-17-160614-5

В сборник вошли две, наверное, самые знаменитые пьесы Островского — «Гроза» (1859 г.) и «Бесприданница» (1878 г.). В обеих пьесах описывается трагическая судьба их героинь. Две разбитые жизни. Два пылких сердца. Две пронзительные истории любви. И две попытки вырваться из замкнутого круга. Во времена Островского «Гроза» произвела эффект разорвавшейся бомбы, не случайно критик Добролюбов назвал ее героиню «лучом света в темном царстве».

Несмотря на то что времена поменялись, пьесы не теряют своей актуальности. Потому что ханжество, показная добродетель, эгоизм и себялюбие всегда будут противостоять искренним чувствам и настоящим порывам души.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

ISBN 978-5-17-160614-5

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Гроза

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА*

Савел Прокофьевич Дикóй, купец,
значительное лицо в городе.

Борис Григорьевич, племянник его, мо-
лодой человек, порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова (Ка-
баниха), богатая купчиха, вдова.

Тихон Иванович Кабанов, ее сын.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигин, мещанин, часовщик-самоучка, отыс-
кивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш, молодой человек, конторщик
Дикого.

Шапкин, мещанин.

Феклуша, странница.

Глаша, девка в доме Кабановой.

Барыня с двумя лакеями, старуха 70-ти лет,
полусумасшедшая.

Городские жители обоего пола.

Действие происходит в городе Калинове,
на берегу Волги, летом.

Между третьим и четвертым действиями про-
ходит 10 дней.

---

* Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски. (*Примеч. авт.*)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги;
за Волгой сельский вид; на сцене две скамейки
и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку,
Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин (*поет*). «Среди долины ров-
ная, на гладкой высоте...» (*Перестает петь.*)
Чудеса, истинно надобно сказать, что чуде-
са! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят
лет я каждый день гляжу на Волгу и все на-
глядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Кра-
сота! Душа радуется.

Кудряш. Нештó!

Кулигин. Восторг! А ты «нештó»!
Пригляделись вы либо не понимаете, какая
красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь с тобой что тол-
ковать! Ты у нас антик, химик!

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Все одно.

Молчание.

Кулигин (показывая в сторону).
Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так
руками размахивает?

Кудряш. Это? Это Дикой племянника
ругает.

Кулигин. Нашел место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль,
он кого? Достался ему на жертву Борис Гри-
горьич, вот он на нем и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как
у нас Савел Прокофьич, поискать еще! Ни за
что человека оборвет.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности,
все под видом благочестия, а этот как с цепи
сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он
и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою
стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером
в переулке где-нибудь поговорили бы
с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый

сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Ш а п к и н. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

К у д р я ш. Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня, он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Ш а п к и н. Ой ли?

К у д р я ш. Что тут: ой ли? Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пушай же он меня боится.

Ш а п к и н. Уж будто он тебя и не ругает?

К у д р я ш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет да и пойдет. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

К у л и г и н. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

К у д р я ш. Ну, вот, коль ты умен, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Ш а п к и н. А то что бы?

К у д р я ш. Я б его уважил. Больно лих
я на девок-то!

Проходят Д и к о й и Б о р и с.
Кулигин снимает шапку.

Ш а п к и н (*Кудряшу*). Отойдем к сторо-
не: еще привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, Д и к о й и Б о р и с.

Д и к о й. Баклуши ты, что ль, бить сюда
приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Б о р и с. Праздник; что дома-то делать!

Д и к о й. Найдешь дело, как захочешь.
Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей
мне навстречу попадаться»; тебе все нейдет-
ся! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты
и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты как столб
стоишь-то! Тебе говорят аль нет?

Б о р и с. Я и слушаю, что ж мне делать
еще!

Д и к о й (*посмотрев на Бориса*). Прова-
лись ты! Я с тобой и говорить-то не хочу,
с езуитом. (*Уходя.*) Вот навязался! (*Плюет
и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кулигин, Борис, Кудряш
и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин. Ну как не знать!

Кудряш. Как не знать!

Борис. Батюшку она ведь невзлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трех дней не могла ужиться с родней, уж очень ей дико казалось.

Кулигин. Еще бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Борис. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию,

а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

К у л и г и н. С каким же, сударь?

Б о р и с. Если мы будем к нему почтительны.

К у л и г и н. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Б о р и с. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

К у д р я ш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нешто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Б о р и с. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

Кулигин. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Борис. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно.

Кудряш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

Кулигин. Как же вы у него живете, сударь, на каком положении?

Борис. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разоцтет, как ему будет угодно.

Кудряш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит. «Ты, говорит, почем знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать? А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

Кулигин. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь!

Б о р и с. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!

К у д р я ш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится. Другой рад от своего отступить, только бы унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Б о р и с. Тетка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

К у д р я ш. Да нешто убережешься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани все-таки не отойдет. А потом и пошел на весь день.

Ш а п к и н. Одно слово: воин!

К у д р я ш. Еще какой воин-то!

Б о р и с. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

К у д р я ш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Б о р и с. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

Кулигин. Что это? Никак народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

Кудряш. Пойдем, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Борис. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.

Кулигин. И не привыкнете никогда, сударь.

Борис. Отчего же?

Кулигин. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денег наживать. Знаете, что ваш дядюшка, Савел Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он

ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в годто народу перебивает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, а у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нем нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет